

Уильям Теккерей

Четыре Георга

Перевод с английского
Инны Бернштейн

ФТМ

Уильям Теккерей
Четыре Георга

«ФТМ»

1861

Теккерей У. М.

Четыре Георга / У. М. Теккерей — «ФТМ», 1861

ISBN 978-5-4467-2836-7

Роман гуманиста и сатирика Уильяма Теккеря "Георги" в переводе Инны Бернштейн красноречиво показывает, что миром по-прежнему правят жестокие деспоты Ганноверской династии королей, о чьих угодничестве, снобизме и ханжестве ходят легенды, и никакого "примирения с действительностью" не бывает. Стихотворение "Георги" приводится в переводе Эльги Линецкой.

ISBN 978-5-4467-2836-7

© Теккерей У. М., 1861

© ФТМ, 1861

Содержание

Георги	5
Георг I	8
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Теккерей Уильям Мейкпис

Четыре Георга

Очерки придворной и столичной жизни, ее обычаев и нравов

Георги

По случаю того, что во дворце парламента должны быть воздвигнуты статуи сих возлюбленных монархов, некая юная особа (имеющая связи при дворе) осчастливила нас копиями надписей, которые будут выгравированы под изображениями этих брауншвейгских светил.

Георг I – светило Брауншвейга

Предпочитал он Англии Ганновер,
А двух уродливых любовниц
Предпочитал супруге, чистой и прекрасной.
Литературу презирал, искусство ненавидел,
Зато салаты с ворванью любил
И покровительствовал устрицам прескверным.
Он Уолпола в министры произвел,
Порочным вкусам неизменно верный.

Георг II

Родителя взяв себе за образец,
Я муж был неверный и скверный отец,

Сквалыжничал, жадничал, деньги копил
И немцем на троне английском я был,

Французов побил в Деттингенском бою,
Шотландцам устроил резню в их краю...

Беспутен и туп, неучтив и жесток,
Никем не оплаканный, в землю я лег.

Чтоб должный придать моей статуе вид,
В подножье пусть Питт на коленях стоит.

Георг III

Почет и место статуе моей:
Я – лучший из английских королей.

Достойный славословий и похвал,
Жене-дурнушке я не изменял.

Пусть сохранить Америку не смог,
Зато вседневно ел бараний бок.

Умом, пожалуй, был я слабоват,
Но англичанин с головы до пят.

Всех королей попрали Наполеон,
Лишь я стоял; и вот – повержен он.

Французу изломали дерзкий штык
Старуха Англия, Георг старик.

Мой Нельсон потопил его суда,
А Веллингтон взял с бою города.

Мой стяг везде – на суше и воде...
Мне равного не сыщете нигде!

Я сверженных монархов привечал,
Им троны и короны возвращал...

А впрочем, что мне в суше и морях,
Во всех спасенных мною королях,

И в том, что мной пленен Наполеон?
Победой я отнюдь не упоен.

Мне короли лобзали край одежд,
Но я не поднимал сонливых вежд;

Я к ликованью Англии был глух,
Салюты мне не радовали слух...

Зачем мне слава, почести, венец,
Когда я старый, сбрендивший слепец!

Georgius Ultimus¹

И старцам, и юнцам его пример
Наукой да не будет:
Он оскорблял равно и женщин и мужчин,
Он изменял жене и был любовником неверным,
Он предавал и убежденья и друзей.
Невежда, грамоту он одолеть не мог,
Зато в портняжном понимал искусстве
И мастер был по кулинарной части.
Воздвиг он Брайтонский дворец, а также
Бакингемский,
И за такие достижения был
Восторженною знатью именован
Он «первым джентльменом всей Европы».
Прошу вас чтить того, чью статую вы зрите,
А также тех, кто восторгался им.

¹ Эта чертовка госпожа принцесса (франц.).

Георг I

Всего несколько лет назад я близко знал одну почтенную даму, которой в молодости делал предложение Хорее Уолпол, а в детстве ее погладил по головке Георг I. Эта дама бывала в гостях у доктора Джонсона, дружила с Фоксом, с прекрасной Джорджиной Девонширской, была своим человеком в блестящем обществе вигов при Георге III; она лично знала еще герцогиню Куинсберри, покровительницу Гэя и Прайора и всеми признанную первую красавицу при дворе королевы Анны. Часто, держа за руку мою добрую старую приятельницу, я думал о том, что через нее соприкасаюсь с миром остроумцев и кавалеров минувшей эпохи. Я переносился мыслью на сто сорок лет назад и видел Браммела, Селвина, Честерфилда, этих магистров удовольствия; видел Уолпола и Конвея; Джонсона, Рейнольдса, Гольдсмита; Норта, Чатема, Ньюкасла; видел белокурых фрейлин Георга II; немецкий двор Георга I, при котором был министром Аддисон, где служил Дик Стил, куда прибыл великий Мальборо со своей неукротимой супругой, – когда еще жили и писали Поп, и Свифт, и Болинброк. Об обществе столь многолюдном, деятельном и блестящем невозможно дать сколько-нибудь полного представления в четырех кратких главах; мы можем лишь, приподнимая на миг завесу времени, заглянуть еще и еще раз в этот давний мир Георгов, посмотреть, что представляли собой они сами и их дворы; бросить взгляд на людей, которые их окружали; приметить былые обычаи, моды и удовольствия и сопоставить их с нынешними.

Я должен оговорить это, приступая к своим лекциям, поскольку тема их была неверно истолкована и меня упрекали за то, что я не написал ученого исторического трактата, хотя такого намерения у меня никогда не было. Не о сражениях, не о политике и политиках, не о делах государственных собираюсь я повести речь, но набросать картину жизни и нравов минувшей эпохи; позабавить рассказами о том, каков был некогда свет; и, поделившись плодами многих приятных часов, проведенных над книгами, помочь моим слушателям скоротать несколько зимних вечеров.

В числе германских князей, внимавших Лютеру в Виттенберге, значится герцог Целльский Эрнст, чей младший сын Вильгельм Люнебургский и оказался родоначальником славного Ганноверского дома, ныне царствующего в Великобритании. Герцог Вильгельм держал двор в Целле, – ныне это город средней руки с десятитысячным населением, лежащий на железнодорожной линии между Гамбургом и Ганновером и на берегу реки Аллер посреди широкой песчаной равнины. А во времена герцога Вильгельма это был скромный бревенчатый городок с большой кирпичной церковью, которую герцог прилежно посещал и в которой покоятся доныне останки его самого и его сородичей. Он был очень набожный монарх, от своих немногочисленных подданных он получил прозвище Вильгельм Благочестивый и мирно правил ими до тех пор, пока судьба не лишила его сразу и зрения и разума. В последовавшие за этим годы у него еще иногда случались периоды умственного просветления, и тогда он приказывал придворным музыкантам играть его любимые церковные мелодии. Поневоле вспоминается его потомок, который двести лет спустя, дряхлый, слепой и лишенный рассудка, распевал Генделя в Виндзорском замке.

У Вильгельма Благочестивого было пятнадцать детей, восемь дочерей и семь сыновей, и эти семеро, поскольку наследство им должно было достаться небольшое, тянули жребий, дабы решить, которому из них жениться и продолжить славный род Гвельфов. Жребий выпал шестому брату, герцогу Георгу. Остальные прожили жизнь холостяками или же вступили в морганатические браки, как было принято тогда у отпрысков благородных фамилий. Странная картина, не правда ли? – старый феодал доживает дни в своем бревенчатом стольном граде, а семеро его сыновей мечут жребий: кому принять в наследство и передать потомкам древнюю Брентфордскую корону. Счастливцев Георг отправился в путешествие по Европе, побывал и

при дворе королевы Елизаветы, а в 1617 году возвратился и обосновался в Целле, куда привез себе из Дармштадта молодую супругу. Его братья тоже все жили в Целле – экономии ради. И по прошествии положенного времени они все поумирали, славные герцоги: Эрнст, Христиан, Август, Магнус, Георг, Иоганн, – и все покоятся там, в кирпичной Брентфордской церкви на песчаных берегах Адлера.

У доктора Фазе можно прочесть о том, как жили наши герцоги в Целле. Когда в девять часов утра и в четыре пополудни на башне замка трубач проиграет сигнал, то, согласно повелению герцога Христиана, все обязаны явиться к трапезе, а кто не явится, остается голодным. Из слуг ни один, кроме крепостных, выписанных в город из имений, не имеет права ни есть, ни пить на герцогской кухне или в погребе и кормить лошадей герцогским овсом без особого на то изволения. Когда в дворцовой зале накрывают столы, всех собравшихся обходит паж и призывает хранить тишину и порядок, воздерживаться от божбы и сквернословия, соблюдать приличия – не швыряться хлебом, костями и кусками жаркого, равно как и не класть их себе в карман. На завтрак, точно в семь утра, пажи и оруженосцы получают неизменную похлебку, и к ней, а также и к обеду, подается брага, и так каждый день, кроме пятницы, когда бывает проповедь и браги не дают. По вечерам они получают пиво и на ночь тоже. Дворецкому строго предписано следить за тем, чтобы ни из простых, ни из благородных никто не допускался в герцогские погреба; вино подается только за столом герцога и его надворных советников; а по понедельникам, согласно распоряжению доброго старого герцога Христиана, ему приносят для проверки хозяйственные книги и счета по кухне, винному и пивному погребам, пекарне и конюшне.

Герцог Георг, которому выпал жребий жениться, не остался дома пить пиво и слушать проповеди. Он ездил воевать всюду, где можно было пожить. Служил генералом в протестантской армии Нижней Саксонии с союзниками, потом переметнулся на сторону императора и воевал в рядах его войска в Германии и Италии; когда же на немецкой земле появился Густав-Адольф, Георг пошел служить в шведскую армию и в качестве своей доли военной добычи захватил Гильденсгеймское аббатство. Там он и умер в 1641 году, оставив после себя четырех сыновей, и от младшего из них происходят наши короли Георги.

При детях доброго герцога Георга простые и благочестивые нравы старого Целля стали выходить из моды. Второй из братьев постоянно катался в Венецию и вел там весьма предосудительный образ жизни. В конце XVII столетия Венеция была в высшей степени бойким местом, и после завершения очередной военной кампании воины-победители очертя голову бросались туда, как в 1814-м триумфаторы бросались в Париж, чтобы играть, веселиться и предаваться всевозможным несправедливым удовольствиям. Этот владетельный князь, горячо любив Венецию и ее радости, и в старый тихий Целль привез с собой итальянских певцов и танцоров и сверх того еще уронил свое достоинство, женившись на француженке гораздо ниже себя по рождению – Элеоноре д'Ольбрез, от которой происходит наша нынешняя королева. У этой Элеоноры родилась миловидная дочь, ей со временем досталось богатое наследство, по каковой причине ее кузен Георг-Людвиг Ганноверский воспылил желанием на ней жениться, так что она, при всех своих достоинствах и богатствах, кончила плохо.

Было бы слишком долго рассказывать, как четверо сыновей герцога Георга разделили между собой отчие земли и как в конце концов все досталось наследникам младшего. В этом поколении протестантская вера у них в роду едва совсем не угасла, – где бы тогда нам, англичанам, искать себе короля? Третий брат тоже был без ума от Италии, и патеры обратили его там в католичество ас ним и его протестантского духовника. И вот уже в Ганновере опять служили мессу, и вместо любимых гимнов Вильгельма Благочестивого и доктора Лютера итальянские кастраты тонко выводили латинские песнопения.

Новообращенного герцога, как и всех других перекрещенцев, щедро наградил Людовик XIV. К ганноверскому двору хлынули толпы французов, а с ними и роскошные фран-

цузские моды. Не поддается исчислению, во что обошелся Германии ослепительный король-Солнце. Каждый немецкий князь стремился подражать французскому королю; каждый заводил себе свой Версаль, Вильгельмскоэ или Людвигслюст, окружал себя пышным двором; разбивал сады со статуями; строил фонтаны с бассейнами и тритонами; каждый имел собственную труппу актеров, танцовщиков, певцов, музыкантов; каждый содержал свой гарем и его обительниц одаривал драгоценностями и землями; каждый устраивал у себя грандиозные праздники с картами, турнирами, маскарадами и пирами по неделям, и за все это платили простые люди – деньгами, если они у них были, а нет – телами и самой кровью своей, так как господа и повелители безо всякого зазрения торговли своими подданными, за игорным столом ставили полк солдат на красное или черное, бриллиантовое ожерелье для какой-нибудь дивы покупали за батальон, – словом пользовались народом как разменной монетой.

Если представить себе по мемуарам Европу в начале прошлого столетия, картина получится ужасающая: нищие, ограбленные, опустошенные земли; сожженные крестьянские хижины и их запуганные обитатели, собирающие жалкую жатву; они же, согнанные в кучи и штыками загоняемые в казармы или бредущие по дорогам под водительством капрала с палкой и плеткой-девятихвосткой в руке. А мимо, ныряя в колдобины, катит раззолоченная карета его светлости, который спешит в свою резиденцию чества фореиторов на чем свет стоит. Совсем близко, от столицы рукой подать, но все же в стороне от городского шума, от рыночной суеты, расположен Вильгельмслюст – или Людвигсруэ, или Монбигу, или Версаль, все равно – отгороженный лесами от бедствующей страны, – огромный безобразный, золоченый, беломраморный дворец, где пребывает владетельный князь и его двор, и там – аккуратно разбитые сады с большими фонтанами и охотничьи уголья в которых ободранные крестьяне выгоняют дичь (под страхом смерти они не вправе тронуть и пера), и веселая охота проносится мимо в красных с золотом кафтанах впереди скачет князь, трубя в охотничий рог, за ним придворные, фавориты и фаворитки; и вот олень упал, главный егерь ножом перерезает ему горло под победный клик охотничьих рогов, меж тем наступает время двору возвращаться обедать; и наш благородный автор, будь то барон Пельниц, или граф де Кенигсмарк, или превосходный кавалер де Сенгаль, видит, как пестрая процессия проезжает по аллеям, и спешит на постоянный двор, а оттуда посылает сообщить свое славное имя почтенному гофмаршалу. Вслед за этим наш благородный путешественник наряжается в зеленое с золотом или розовое с серебром по новейшей парижской моде и является ко двору, гофмейстер представляет его, и он отвешивает изящные поклоны владетельному князю, и прелестной принцессе, и влиятельнейшим придворным господам и дамам, после чего начинается ужин, а затем и фараон, и он проигрывает или выигрывает к утру несколько тысяч монет. Если это немецкий двор, можете прибавить сюда еще и основательное пьянство. Но Германия ли это, Франция или Испания, если аккуратно подстриженные деревья аллеи не заслоняют вид из дворцового окна, вокруг открываются однообразные картины бедствий: голод бродит по нищим деревням и маячит за плечом унылого труженика, на тощей скотине пашущего каменистую ниву или робко пожинающего жалкий свой урожай. Курфюрст Август весел и могуч, он может одним ударом самолично повалить быка и самолично же съесть его почти без остатка; его любовница Аврора фон Кенигсмарк – прелестнейшее и остроумнейшее создание; его бриллианты – самые крупные и ослепительные в мире, его пиры не уступают пышностью версальским. А Людовик Великий уже и вовсе не смертный человек. С почтением подымайте на него взоры: вон он поглядывает из-под своего возвышенного парика на мадам де Фонтанж или мадам де Монтеспан, проходя знаменитой галереей, где склонились в поклоне Виллар, и Вандом, и Бервик, и Боссюэ, и Массийон. Можно ли вообразить королевский двор пышнее этого? вельмож и кавалеров галантнее и роскошнее? дам прелестнее? Нет, не видал глаз человеческий монарха более величавого, чем он, – и страдальца более жалкого и голодного, чем крестьянин, его подданный. Будем же держать в уме оба эти портрета, если мы хотим по справедливости оценить старое общество. Забыть ли блеск и

благородство? Никогда! Забыть изящество, красоту, великолепие, и изысканную галантность, и рыцарский дух Фонтенуа, когда французская сторона предлагает джентльменам из английского отряда стрелять первыми; и благородное упорство старого короля и его генерала Вийара, которые на последние дукаты снаряжают последнюю армию и выступают навстречу противнику, чтобы победить или погибнуть за Францию при Денене. Но все это королевское великолепие существует среди нищеты и порабощения народа, кругом живут люди, прозябающие в бесправии; лежат разоренные земли; вера, правосудие, коммерция попорчены, почти уничтожены; да и в самом этом великолепии сколько позорного зла, низости, преступлений! Благороднейшие из мужчин и блистательнейшие из женщин склоняют головы перед глупой уличной девкой; а король вешает на белую грудь своей любовницы бриллиантовое ожерелье стоимостью с целую многострадальную провинцию. В первую половину прошлого века так было, повторяю, во всей Европе. Саксония опустошена так же, как Пикардия или Артуа, а Версаль – это тот же Херренхаузен, только побольше.

Династией ганноверских монархов на нашем престоле мы, британцы, обязаны удачному браку, заключенному первым ганноверским курфюрстом Эрнстом-Августом. Спустя девять лет после того, как Карл Стюарт лишился головы, его племянница София, из многочисленного потомства другого свергнутого монарха – злосчастливого курфюрста Пфальцского – стала супругой Эрнста-Августа и принесла ему по бедности в приданое наследственное право на все три британские короны.

Одной из самых красивых, проницательных и разумных, одной из самых образованных и ярких женщин своего времени была София, дочь бедного Фридриха, «зимнего короля» Богемии. Остальные дочери несчастной красавицы Елизаветы Стюарт подались в католичество, и лишь одна она, на счастье всему семейству, осталась нельзя сказать чтобы верной реформированной религии, но, по крайней мере, не приняла никакой другой. Посланец французского короля Гурвиль, сам новообращенный католик, пытался склонить ее и ее супруга к признанию истинной веры; он рассказывает нам, как однажды спросил герцогиню Ганноверскую, к какой религии принадлежит ее дочь, в ту пору прелестная тринадцатилетняя принцесса; герцогиня ответила, что пока ни к какой, они решили подождать с наставлением принцессы до тех пор, когда станет известно, к какой религии будет принадлежать ее муж, к католической или протестантской! А герцог Ганноверский, выслушав все доводы Гурвиля, сказал, что перемена религии, может, и пошла бы на пользу его семейству, однако сам он уже слишком стар для нововведений.

Эта проницательная женщина обладала такими зоркими глазами, что умела, когда надо, закрывать их на многочисленные слабости своего мужа – герцога Ганноверского, епископа Оснабрюкского. Как все монархи, он знал толк в удовольствиях – любил весело пожить, хорошо поесть и вдоволь выпить; ездил, по следам братьев, в Италию; и мы читаем, как однажды он с легкой душой продал синьории Венеции 6700 своих ганноверцев. Под началом герцогского сына принца Макса они бодрым маршем отправились в Грецию, а вернулось их домой только 1400 человек. Немецкие князья часто торговали серой скотинкой. В этой связи можно вспомнить гессенцев, которых закупило правительство Георга III, и какое оно нашло им применение во время Войны за независимость.

Дукаты, вырученные за солдат, герцог Эрнст тратил на ослепительные развлечения. Впрочем, веселый этот монарх был экономен, расчетлив и собственные интересы блюл неукоснительно. Для себя лично он добился титула курфюрста, старшего сына Георга женил на его очаровательной сельской кузине; остальных сыновей разослал по белу свету во главе армий воевать сегодня на одной стороне, завтра на другой; и жил себе в свое удовольствие, предаваясь развлечениям и строя интриги, – правитель жизнелюбивый и неглупый, но, боюсь, отнюдь не добродетельный; этих мы в наших лекциях встретим не много.

У Эрнста-Августа было в общей сложности семеро детей; из них иные выросли гуляками и распутниками и восставали против системы первородства и неделения собственности, утвержденной их папашей – курфюрстом. «Густхен, как пишет курфюрстина о своем втором сыне, – бедный, изгнан из отчего дома, и отец отказал ему в содержании. Я днем смеюсь, а по ночам плачу; там, где речь идет о моих детях, я теряю голову». Трое ее детей пали в сражениях с турками, татарами, французами. Один вступил в заговор, восстал на отца и вынужден был бежать в Рим, а на родине оставил надежного человека, который и был обезглавлен. Дочь, о чьем воспитании шла речь выше, стала женой курфюрста Бранденбургского, и тем самым вопрос о ее религии окончательно был решен в пользу протестантизма.

Племянница курфюрстины Софии, вынужденная в свое время сменить религию, чтобы стать супругой герцога Орлеанского, брата французского короля, простодушная женщина, чье верное сердце всегда оставалось с любимым фатерландом, с родными и близкими, тогда как пухлое тело пребывало в Париже, в Марли или Версале, оставила нам в своей обширной переписке (часть которой в настоящее время опубликована по-немецки и по-французски) описание курфюрстины и ее сына Георга. Элизабета-Шарлотта была как раз в Оснабрюкке, когда Георг появился на свет (1660 год), и едва избежала взбучки за то, что вертелась под ногами в тот знаменательный день. Она, как видно, не очень-то жаловала Георга, когда он был маленький, да и когда вырос большим – тоже. Она изображает его жестоким, холодным и молчаливым. Молчаливым-то он был наверное, не то что веселый герцог, его отец; Георг был рассудительный, спокойный и себялюбивый монарх, всегда себе на уме, всегда преследующий свои цели и блюдуший собственные интересы с неизменным успехом.

При жизни отца Георг во главе восьми или десяти тысяч своих ганноверцев сражался в составе армии императора – на Дунае против турок при осаде Вены, в Италии, на Рейне. Унаследовав курфюршество, он вел дела с большой ловкостью и осмотрительностью. Жители Ганновера его очень любили. Сам он не имел обыкновения демонстрировать чувства, и, однако, слезно плакал, расставаясь со своими добрыми ганноверцами, как они плакали от радости всякий раз, когда он к ним возвращался. Получив королевство, он выказал необыкновенную сдержанность и хладнокровие, не выражал никаких восторгов, был готов к тому, что в один прекрасный день его попросят вон, и, считая себя всего лишь временным жильцом Сент-Джеймского дворца и Хемптон-Корта и не желая упускать подвернувшегося случая, понемногу занимался грабежом, этого отрицать нельзя, – и делил поживу между своими; нечего и ждать от монарха, который у себя на родине торговал подданными по столько-то дукатов за голову и не испытывал при этом ни малейших угрызений совести? В том, как он у нас держался, я вижу немало ума, такта и даже умеренности. Немец-протестант на троне оказался дешевле, добрее и лучше, чем католик Стюарт, чье место он занял, и был предан Англии хотя бы настолько, чтобы предоставить ее самой себе.

Готовясь к этим лекциям, я счел необходимым посетить уродливую колыбель наших Георгов. Старый Ганновер, я думаю, и сегодня выглядит примерно так же, как тогда, когда с ним прощался Георг-Людвиг. Сады и павильоны Херренхаузена едва ли заметно изменились с тех пор, как старая дородная курфюрстина София упала там за смертью во время своей последней прогулки, лишь несколькими неделями опередив дочь Иакова II, чья смерть открыла путь на английский престол брауншвейгским Стюартам.

Первые два августейших Георга, как и их батюшка Эрнст-Август, к браку относились чисто по-королевски. Сам Людовик XIV или Карл II Стюарт не больше отличались у себя в Версале или Сент-Джеймском дворце, чем эти немецкие султаны в своей маленькой столице на берегах Лайне. В Херренхаузене и сейчас можно видеть дощатый театрик, где выступали дамы Платен – пели, играли комедию масок и танцевали перед курфюрстом и его сыновьями. Те же каменные фавны и дриады белеют среди зелени, все так же улыбаясь, все так же наигрывая на свирелях свой немой напев, как и в те дни, когда гримированные нимфы увешивали их

цветочными гирляндами, шествовали под сводами деревьев с золотым пастушьям посохом в руке, подгоняя барашка с золочеными рожками, или являлись из «машины» в образе Дианы либо Минервы и произносили пространные аллегорические дифирамбы принцам, воротившимся из военного похода.

Удивительные нравы утвердились тогда в европейской морали и политике странный плод полного торжества монархического принципа. Феодализм потерпел крах. Аристократия в столкновениях с королевской властью была фактически уничтожена, и теперь монарх стал – все. Он сделался почти божеством, и гордое старинное дворянство служило при его особе. Кому нести свечу, когда Людовик XIV отправляется почивать? Которому из князей подавать рубашку, когда Христианнейшее Величество хочет переодеться? – такими проблемами полны французские мемуары XVII столетия. Традиция эта и по сей день еще не вывелась в Европе. Кто из вас присутствовал среди тысяч зрителей на грандиозном открытии нашего лондонского «Хрустального дворца», наверняка обратил внимание, как два почтенных лорда, занимающие высокие посты в государстве, имеющие древние родословные, в расшитых кафтанах, со звездами на груди и с жезлами в руке, добрую милю пятились задом перед королевской процессией. Удивляться ли нам, сердиться или смеяться при виде этих церемоний? Относитесь к ним, как кому вздумается, – с презрением или уважением, с досадой или печалью. Но шляпа наместника Гесслера по-прежнему красуется на шесте. Можете с трепетом душевным склониться перед этим символом единовластия, можете нагнуть голову, хмурясь и ропща, или подобострастно улыбаясь, а можете с решительным мятежным «нет!» глубже надвинуть собственный колпак себе на уши и отказаться стаскивать его перед этим куском бархата в блестках и с развевающимся пером. Не о том сейчас речь. Я просто говорю, что шляпа Гесслера по-прежнему вознесена над рыночной площадью Европы и немало еще народа преклоняют перед ней колени.

Расставьте грубых немецких истуканов вместо мраморных статуй Версаля; примыслите фонтаны Херренхаузена взамен искристых струй Марли; и пусть на столах красуются не блюда прославленной французской кухни, а швайнекопф, шпекзуппе, леберкухен и тому подобные деликатесы, а в залах фрау фон Кильмансэргте танцует с камер-юнкером дородная Квирины или же распевает французские песенки с ужасающим немецким прононсом, – вообразите, словом, топорный Версаль, и перед вами будет Ганновер. «Я теперь очутилась в царстве красоты, – пишет из Ганновера в 1716 году Мэри Уоргли. – У всех здешних дам щеки в буквальном смысле слова пунцовые, губы и шеи белоснежные, брови черные, как смоль, и обычно такие же смоляные волосы. Совершенства эти остаются при них до самого смертного часа и при свечах производят сильное впечатление, жаль только, их красоте немного не хватает разнообразия. Все дамы походят одна на другую, как восковые фигуры в паноптикуме миссис Сэлмон, изображающем «Английский королевский двор», и тем и другим опасно приближаться к огню: растают!» Язвительная Мэри Уоргли наблюдала этот сераль Георга I в Ганновере через год после его восшествия на британский престол. Что там тогда творилось! Видела там леди Мэри и Георга II. «Могу сказать без лести и пристрастия, – пишет она, – что наш юный принц обладает всеми достоинствами, мыслимыми в его возрасте, отличается живостью облика и ясностью ума и такими подкупающими манерами, что очаровал бы всех, даже не будучи столь высокой особой». В другом месте я читал такие же хвалы принцу Уэльскому Фредерику, сыну Георга II; и Георгу III, само собой разумеется, и Георгу IV – в огромном количестве. Так уж было заведено: видеть великих мира сего в ослепительных ореолах – и люди честно мигали и щурились от монаршего блеска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.